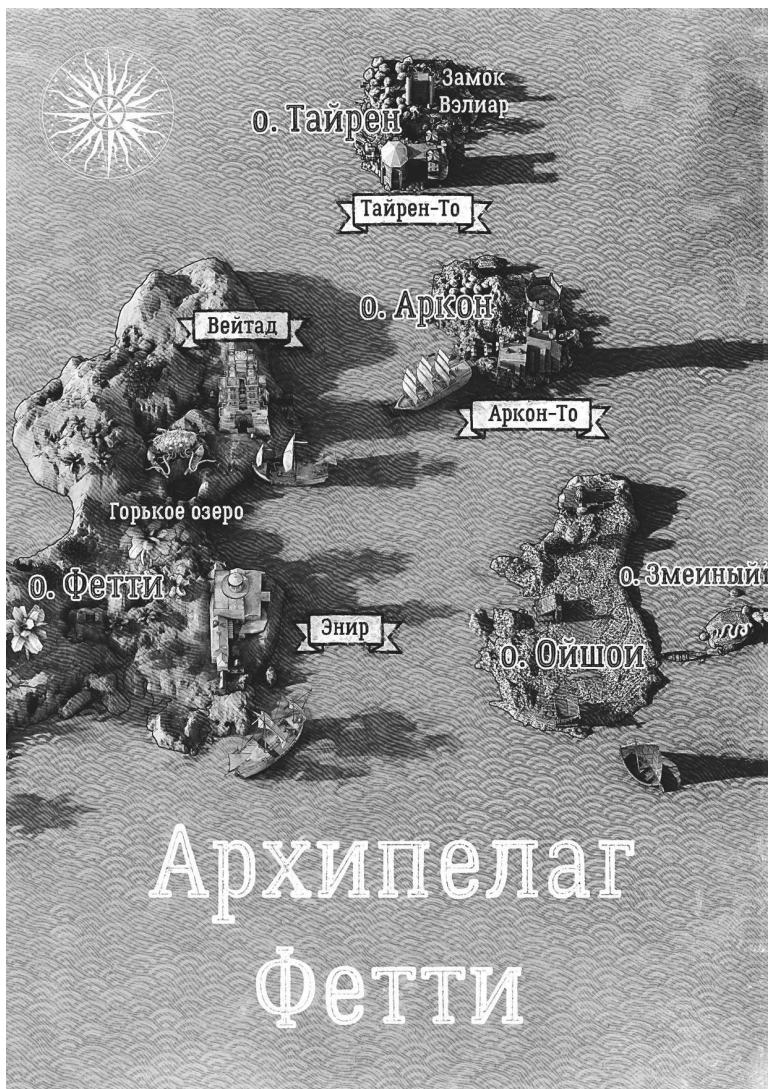

Ольга Голотвина

ЗАКЛИНАТЕЛИ ВОЙНЫ

T8 RUGRAM

3069 год, остров Фетти

1

Ты хоть скажи, за что меня – на такую смерть?
– Не «за что», а «за сколько», – хмыкнул долговязый надсмотрщик Думми. Сильными ударами он вогнал кол глубоко меж прибрежных камней в лохмах обмякших водорослей. Попробовал пошатать кол и довольно хмыкнул.

Отлив обнажил скалистый берег с наносами песка. Чайки мерзко орали, дрались над дохлой рыбой. От груди водорослей несло тухлой сыростью.

Второй надсмотрщик промолчал, меряя взглядом цепь от кола до лодыжки каторжника.

Неправильно это было. Нечестно. В «мокрый могильник» швыряют трупы. Это понятно. Чем возиться с ними, хоронить... Порой и живых бросают, кто покалечился или захворал всерьёз. Тоже дело насквозь понятное – здесь не Дом Милосердия, нечего со всякой сволочью нянчиться.

Но чтобы вот этак человека – на дурную, чёрную смерть... это надо за дело! Скажем, на побег сорвался или на надсмотрщика руку поднял...

А парень словно мысли угадал. Глянул в лицо:

– Господин Локёрра, хоть ты скажи, в чём я провинился?

Ага, пытался растравить в себе злость надсмотрщик, теперь господин Локерра? А за глаза – Таракан да Таракан. И вообще

дерзок, рыло каторжное. У надсмотрщиков имеется в бараке своё «ухо». Известно, о чём шушукается цепная рвань...

Нет. Не получилось у Локерры раздражить себя. Потому что с этим самым Стайни до сих пор особых хлопот не было. Хоть и языкастый, а смиренный. Такому и топор можно доверить, чтобы дрова рубить или терновые прутья для градири заготавливать. А что дерзит, так это тоже понимать надо: парень-то из знати! Каково ему перед надсмотрщиками гнуться? Ну, ляпает порой вздор... беда невелика! Отхлестать на месте за длинный язык, вот и вся забота. Ну, разок подвесили нагльца за руки на воротах на радость мошкаре... так на то она и каторга, а не загородный дворец увеселений!

Зато в работе парень старается. Не причиняет неприятностей. Тянет свой коротенький, смешной срок – два года. Всего год остался – и на Тайрэн, в родимый замок, к папаше под крылышко...

Но тут мысли Локерры словно налетели на каменную стену.

Не вернётся Стайни в свой замок. Здесь кончилась его дорожка. В «мокром могильнике».

Упрямо, словно убеждая себя в чём-то, Локерра спросил:

– Может, про тебя что-то новое узнали? Может, ты не просто про короля лишнее болтал, а похуже что-то за тобой водилось? Ты же Вэлиар, а это имечко даже у нас на Фётти слышали.

– Вот за имя здесь соль и выпариваю. За деда на мне отыгались.

Не сдержавшись, Локерра угрюмо бросил:

– Сегодня из Вейтада изволил приехать господин чиновник. С проверкой. «Око наместника». Вот он и...

– Ты кому объясняешь? – перебил его Думми. – Твари прощенной? Ты ещё прощения у него попроси! Долго ли ему ещё оставаться одним куском?

Каторжник дёрнулся, словно его вытянули плетью. Но не отвёл взгляда от Локерры. С последней надеждой выдохнул:

– Мой отец не пожалеет денег.

Думми хохотнул:

– Это как же должен раскошелиться твой папаша, чтобы мы за эти деньги скорчили рожу «оку наместника»?

Смертник обмяк, словно из него позвоночник разом выдернули. Сел, прислонился спиной к колу, обхватил руками исцарапанные, дочерна загорелые колени. Лицо закрыли тёмные лохмы с налётом соли. Длинная цепь змеиным клубком свернулась у босых ног.

Надсмотрщику жалость – только помеха. Но что-то шевельнулось в сердце Локерры – скользкое такое, неприятное. Чтобы избавиться от этого чувства, он заговорил негромко:

– А вот зря мучиться тебе ни к чему. Цепь длинная, набарахтаешься, пока тебя в клочья рвать будут. А ты закрути цепь вокруг кола, да так, чтоб стоять было нельзя. И ложись рядом. Как прилив подойдёт – быстро распутать не сможешь, захлебнёшься. Лёгкая смерть! Послушай совета: закрути цепь, а ещё лучше – узлом завяжи.

И тут в обречённого каторжника словно жизнь вдохнули. Стайни вскинул голову. Глянул прямо в лицо Локерре – так, как больше года глядеть не смел. И чётко, громко сказал, что именно должен завязать у себя поганый Таракан – и на сколько узлов!

Вот и будь добрым с каторжными харями...

Локерра был так поражён людской неблагодарностью, что даже не потянулся за плетью, торчащей за поясом. Просто плюнул на мокрый песок и пошёл прочь.

А Думми задержался, чтобы душевно пожелать:

– Счастливо тебе сожраться, шкура солёная!

* * *

О Джакар Игрок, небесный хозяин удачи! О весельчак в пёстром наряде, что раз за разом швыряет на золотое блюдо пригоршню костяшек, подхватывает их и вновь бросает! Каждый удар костяшки о блюдо – изменение в жизни одного человека, везение или невезение, счастье или горе, смотря какой гранью выпадет костяшка, белой или чёрной...

О Джакар Хитрец! Люди знают, что ты мошенничаешь, и просят тебя: поверни мою костяшку белой стороной вверх!

Сколько молений ежечасно летит к тебе, Джакар!

И одно из них тонкой беззвучной ниточкой дрожит над хмурыми скалами и подступающей к ним водой.

«Ты всласть поиздевался надо мною, небесный шулер! Может, хватит? Не пора ли тебе выбросить белую костяшку?»

Молитва не отвлекала Стайни от дела: стоя на коленях, он расшатывал кол. Вернее, пытался расшатать: здоровяк Думми вбил проклятую деревяшку от души, с чувством.

Цепь крепкая, звено к звену. И под рукой нет подходящего камня, чтобы врезать по железной змеюке.

А волны уже бросают пену к ногам. И темнеет, темнеет, будь оно неладно!

Чайки больше не орут – расселись по скалам.

А вот Стайни хочется заорать. В голос. Потому что сквозь молитву богу-игроку пробилась простая и чудовищная мысль: а почему он безропотно дал посадить себя на цепь, словно пса у конуры? Почему плёлся на гибель, да ещё сам нёс кол и свёрнутую цепь? Это ведь тоже оружие! Почему он не напал на этих кабанов? Да, его убили бы – но в драке! Его не рвали бы заживо адские крабы, не жрали бы его плоть у него же на глазах...

Стайни изо всех сил налёг на кол. Рука сорвалась, оставив на необструганном дереве кровавый след, и плюхнулась в волну, жадно скользнувшую к человеку. Ссадину обожгло. Это была привычная боль, к ней приучила солеварня. Там на всём оседает соль, любая царапина – пытка. А кровавый след от плети соль быстро разъедает до язвы.

Соль, плоть и сознание своей беспомощности... полной зависимости от хряков-надсмотрщиков... от стражников, которых вином не пои – дай поиздеваться над «солёной шкурой»...

Неужели всё это сломало Стайни, сделало из него раба? Навсегда?

И это самое «навсегда» уже заканчивается...

* * *

А ведь ещё недавно он возвращался из леса вместе с Хлоди Трёхглазым и фальшивомонетчиком Дэргом. Под бдительным взором стражника они тащили волокуши с грузом терновых веток – по ним в градириях будет медленно стекать соляной раствор, насыщаясь при этом.

Все трое вымотались, как грешники в каменном слое ада, но то была славная усталость, потому что выпало дышать не проклятой солью, а лесным чистым воздухом. Впереди была возня с прутьями, из которых ещё надо вязать фашины. А потом, в густых сумерках, – вечерняя жратва.

Трое каторжников негромко переговаривались: а может, чиновник, приехавший с проверкой, завернёт на кухню, заглянет в котлы, увидит, какой тухлятиной кормят работяг? Может, хоть сегодня им перепадёт что-то съедобное?

Стражник, сопровождавший троицу, был настроен благодушно (или ему просто лень было велеть каторжникам заткнуться). И Стайни рассказал, как утром видел высокого гостя – «вот как вас, парни, вижу».

Парни дружно усомнились в том, что приезжий господин тоже тащил волокушу вместе со Стайни-из-замка, а потом потребовали подробностей.

Да пожалуйста! Стайни чинил ручку на двери амбара, отхваченную клешнями... нет, не соляного амбара, пусть дурень Хлоди не влезает в рассказ! На кой крабам соль, они до съестных припасов добираются. И добрались бы, будь клешни острые, а не закруглённые на концах...

Сменить курс? Бренчать про приезжего? Ладно. Только начал Стайни новую ручку приколачивать – проехала мимо амбара карета, три страуса в запряжке. Страусы – красавцы! Арконская порода, таких хоть в запряжку, хоть под седло. Великаны! Силачи! А карета – маленькая, двухместная, дорожная. Никаких всадников в сопровождении. Только кучер на козлах и слуга на запятках... правда, оба не выглядят комнатными собачонками.

Карета остановилась возле дома сотника. Вышел из неё высокий, плечистый господин в длинном плаще. Сапоги с широкими голенищами – видать, новая мода, в прошлом году такие не носили. Перчатки с раструбами, широкополая шляпа с чёрным накомарником – а как же без него при здешней мошкаре?

Неспешным, ровным шагом господин прошёл к дому сотника. Ветер откинул полу чёрного плаща... и вот чтоб ему, Стайни, сдохнуть на этом самом месте, прямо в запряжке, если на ножнах гостя не цветные кисточки! Не то две, не то три, не разглядеть было. Но что не одна – это точно.

Слушатели дружно обозвали рассказчика брехуном. Чтобы воин такого ранга приехал проверять захолустную солеварню? Да здесь и сотнику-то совестно называться сотником, у него всего три десятка рыл в подчинении...

Тут в беседу вмешалось одно из этих рыл. Обычно конвойные не снисходят до бренчания с солёными шкурами, но здесь уж больно интересный разговор образовался. И конвоир сообщил, что Стайни-из-замка на этот раз, как ни странно, не брешет. Приехавший воин и впрямь ранга такого высокого, что сотник даже не предложил ему разделить с ним кров, а подхватился и умёлся в казарму, оставив гостю дом. Слуга и кучер приезжего тоже устроились в казарме – видать, хозяин любит одиночество. А имени высокой персоны стражник узнать не успел: был отправлен конвоировать в лес троих уродов, мало поротых за свои длинные языки...

* * *

Стайни вздрогнул, воспоминания разлетелись прочь. Неужели проклятый кол шевельнулся под нажимом?

Нет. Это волна обманывает. Поднимается до бёдер и с шипением откатывается, оставив на песке пену.

Всё ещё стоя на коленях, смертник продолжал расшатывать кол.

Неужели надсмотрщики не соврали? Неужели он очутился в «мокром могильнике» по приказу неведомой высокой особы?

Если так, то прав подонок Думми: Стайни здесь не «за что», а «за сколько». Пожалуй, не задёшево.

Кому же надо, чтобы сын властителя замка Вэлиар не вернулся в отцовские владения?

Ответ сам просился на язык... но тут смертник забыл и о чиновнике, и о своих подозрениях.

Потому что из воды медленно поднялось что-то овальное, тёмное, похожее на черепаший панцирь.

Взгляд обречённого человека зашарил по волнам: адские крабы шастают стаями...

Не видно других, одиночка нагрянул. Что ж, больше жратвы ему достанется. Крабы клешнями меч перекусывают, а уж идти на такого с дурацкой деревяшкой...

С какой деревяшкой?!

Стайни и не заметил, как поднялся во весь рост, прижимая к груди кол, – когда и выдернуть успел? Не зря его раскачивал до одури...

А раз не на привязи – ходу отсюда!

Смертник развернулся и, подобрав цепь, рванул к берегу. Волны мешали бежать, железо на ноге тоже скорости не прибавляло. Страшно хотелось обернуться. Но человек сдерживался, каждый миг ожидая, что сейчас упадут на плечи два тонких, длинных, сильных щупальца, захлестнут, рванут назад... Камни резали босые ступни, но беглецу было не до того...

Уже позади полоса прибоя, уже рядом крутой береговой склон... а дальше как? Карбкаться по узким ступеням? С цепью-то?

Стайни обернулся – и не заорал лишь потому, что онемел от ужаса.

Тот, кто шёл следом, уже вздыбился на задних ногах и грозно навис над добычей. Но нападать не спешил.

Не похож он на краба, отстранённо подумал Стайни. На жука похож. Даже пузо как у жука, пластинчатое. Вот только две клешни да пучок глаз на длинных стебельках... А щупальца-то где?

Не успел Стайни вспомнить об этом, как одна из грудных пластин откинулась, из-под неё скользнуло щупальце. Потянулось

